

ЭТНОГРАФИЯ ТАДЖИКИСТАНА. Душанбе: Дониш, 1985, -180 с.

В сборник включены статьи, посвященные различным сторонам этнографии таджиков и других народов Таджикистана, а также населения некоторых других областей Средней Азии. Статьи сборника освещают преимущественно вопросы жилища, семейных обрядов (свадьба, рождение, похороны), календаря, народных верований и представлений, приложен список научных работ старейшего этнографа Таджикистана А.К.Писарчик.

Работа рассчитана на этнографов, историков и всех тех, кто интересуется традиционным бытом и культурой таджиков и других народов Средней Азии.

Рецензенты: докт. филол. наук Р.А.Мононов, канд. ист. наук В.А.Ранов.

Э 0508000000 - 082 40 - 85

М 502 - 85

© Издательство "Дониш", 1985 г.

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии наук Таджикской ССР

ЭТНОГРАФИЯ ТАДЖИКИСТАНА

Ответственный редактор
Борис Анатольевич ЛИТВИНСКИЙ

Редактор издательства И.А.Медведева
Технический редактор В.Н.Шемелинина
Художественный редактор Р.Абдуразаков
Корректоры Т.А.Рохман, Э.М.Абасьева

ИБ № 845

Сдано в набор 28.12.1984 г. Подписано в печать 08.10.1985 г. КЛ 04313.
Формат 70 x 100¹/16. Бумага тип. № 2. Офсетная печать. Усл.печ.л. 14,5.
Усл.краск.-отт. 14,7. Уч.-изд.л. 16,5. Тираж 775. Заказ 782. Цена 2руб. 50коп.
Издательство и типография "Дониш", 734029, Душанбе, ул.Айни, 121, корп.2

ме ближайших родственников умершего, его матери, отца, дочери и других, проживающих в другой махалле (?). Из махалли, где жил покойный, на "азогирон" зовут лишь тех женщин, которые носят по нему траур ("аз махаллаи сохиби мурда фақат миёнбандо мебиён"). Из жителей той махалли, где происходит "азогирон", приглашают женщин и нескольких мужчин из родни ("аз хешу ақрабо"). Продукты для приготовления кушаний посылаются из дома умершего. Глава дома тоже сам приходит на "азогирон", чтобы присматривать за порядком и готовить еду ("дегу табакба нигоҳ мекунад").

П Р И М Е Ч А Н И Я

1. Писарчик А.К. Смерть. Похороны. — В кн.: Таджики Каратегина и Дарваза. Душанбе, Вып.Ш, с.118–164. и 176–194.

2. Приводимые сведения были записаны автором в 1950 г. в г. Исфаре со слов местного жителя Хасанхона Аюбова, таджика 60 лет, сторожа женского интерната.

М. А. ХАМИДЖАНОВА

МУЖСКИЕ ДЖАХРЫ В ПОХОРОННЫХ ОБРЯДАХ ТАДЖИКОВ ВЕРХОВЬЕВ ЗЕРАВШАНА

За годы Советской власти в Таджикистане, в том числе и в долине Зеравшана, совершенно изменилась культурно-бытовая жизнь населения. Вместе с тем у таджиков, как у многих народов Средней Азии, сохранилось немало элементов традиционной бытовой культуры, которые еще глубоко не исследованы и могут исчезнуть незафиксированными в век научно-технической революции и социального прогресса.

Поэтому изучение традиционной духовной культуры, отразившейся в семейном обряде, в наше время весьма актуально, так как оно дает ключ к раскрытию важных процессов сложения культуры таджиков, развития этнических групп и их ареалов, что в этнографическом аспекте исследовано пока еще недостаточно. Один из важных разделов традиционной культуры является похоронный обряд.

Как известно, нигде так устойчиво не сохраняются архаические пережитки, как в похоронных обрядах¹. И в этом мы еще раз убедились, собирая материал для данной статьи, во время этнографических экспедиций в 1973 и 1977 гг. в селении Хушекат, Варзиминор, Зосун Айнинского района Ленинабадской области Таджикской ССР.

В долине Зеравшана, как и везде, все еще сохраняются древние традиции в этих обрядах. Многие обряды, исполняющиеся во время похорон, противоречат религии ислама. Как известно, ислам выступал против всяких торжественных и пышных похорон, категорически запрещал рыдания, громкое оплакивание и причитания, распущенные волосы в знак глубокого траура, ношение траурных одежд, царапание или мазание сажей лица, траурные танцы не только вокруг умершего, но и вокруг носилок и т.д.² Хотя религия ислама и господствовала в Средней Азии более двенадцати веков, однако до настоящего времени во многих траурных обрядах наличествуют элементы, противоречащие нормам шариата.

Одним из древних обрядов в верховьях Зеравшана во время похорон являются мужские коллективные танцы вокруг пустых носилок умершего, а иногда и носилок с покойником. В этнографической литературе приводились данные о женских танцах во время похорон, как у таджиков³, так и у некоторых других народов Средней Азии⁴. А.К.Писарчик, ссылаясь на О.Муродова, сообщает, что женские танцы во время похорон исполнялись в селении Кулбай-Поён (Самарканд). По нашим наблюдениям, они бытуют среди равнинного населения Зеравшанской

(Пенджикент, Самарканд, Бухара, Нур-ата) и ферганской (Ура-Тюбе, Ленинабад, Канибадам, Исфара) долин⁵. Упоминались также индивидуальные мужские танцы самых близких родственников среди горных таджиков⁶. На Зеравшане мужские коллективные танцы, по-видимому, возникли еще до распространения религии ислама, свидетельством чего является фреска из раскопок древнего Пенджикента⁷. Эти танцы (джахры) сохранились в верхней части долины, в нескольких селениях Айнинского района.

Рассмотрим коллективные танцы в системе погребального обряда таджиков Верхнего Зеравшана.

Как и во многих других горных районах, в Айнинском, когда умирают дети до 13-14 лет, никаких особых обрядов не выполняют. Приглашают самых близких родственников — и детей в тот же день хоронят. Если усопшему больше 10 лет, то некоторые зажиточные люди устраивают один раз поминки (х у д о й), а по маленьким детям никаких поминок вообще не делают и траур не носят.

Если умирает пожилой человек, проживший долгую счастливую жизнь, не очень горюют и говорят: "Х у д о и м о н а ш а қ а м р о к к у н а д" ("Пусть бог его вероисповедание с ним сопровождает", т.е. пусть умирает верующим, считая его смерть праздником — т ў я ш"), — но соблюдают все обряды похорон и поминки до года, т.е. 3,7,20,40 дней и год, отмечают 3 мусульманских праздника (Раджаб, Рамазан, Курбан). Женщины до года носят траурную одежду и не ходят никуда, кроме похорон. Траур для мужчин при похоронах стариков длится до 40 дней.

Когда умирают молодые люди, особенно доброго возраста или недавно женившиеся (а р ў с а к —молодуха, д о м о д ч а —молодожен), смерть их вызывает очень бурную реакцию: их долго и горько оплакивают. О смерти молодых сообщают всем родственникам, направляя гонцов во все селения, с которыми имеется связь. В кишлаках, где мы наблюдали похороны молодых, были приглашены 12-14 соседних селений, которые в прошлом составляли одно объединение, называемое "сада" (букв. — "сотня"). Все родственники, соседи, односельчане выполняли необходимые работы при похоронах, помогали материально. Близкие соседи и друзья умершего приводят двор и дом покойного в порядок, приготавливают площадки во дворе. Кроме того, для приехавших на похороны гостей все соседи в своих домах готовят комнаты, которые называются қ у ш х о н а, а сами соседи называются қ у ш г и р⁹.

Считается, что покойника нужно похоронить в тот же день, а если оставить на следующий день, то это в а з б и н и м е о в а р а д, т.е. вызовет много болезней. Возможно, повлечет и смерть кого-то. Но, вопреки всем этим опасениям, когда умирают молодые люди, их оставляют на ночь, считая "гостем", и в тот вечер обязательно режут мелкий скот, пекут лепешки и устраивают м е х м ю н м е к у н а н д (угощение), а самый обряд еще называют х у н б а р о в а р д а н (пролитие крови). Часто скот режут возле порога дома, где лежит покойник.¹⁰

В комнате, где лежит покойник, в центре ставят три одинаковых по высоте табуретки (с а н д а л й), которые застилают новыми постельными принадлежностями, и кладут на них покойника, украшая его цветами и пахучими травами — базиликой и др. Самого покойника одевают в новый костюм и халат. Если умирает девушка или молодая женщина, ее одевают, как невесту — во время свадьбы, в новое шелковое платье, шаровары, допускаются различные украшения и, если есть, кокошник¹¹. На мужчину одевают новый костюм, халат, тюбетейку и иногда даже соответствующую обувь. Кроме того, украшают комнаты (а если вещей много, то и двор) одеждой, одеялами, вышивками, приготовленными к свадьбе, только с той разницей, что все "вышивки на стены прибивают наизнанку. Сундук лицевой стороной ставят к стене и на него складывают все новые одеяла и подушки изнаночной стороной. В комнате по стенам вывешивают приготовленную одежду, также наизнанку.

Все близкие родственники—мужчины надевают халаты и тюбетейки; подпоясываются платками, в руках держат посохи. Близкие родственники и родители, кроме того, вешают на шею что-нибудь из одежды умершего, считая, что от нее идет запах покойного (б у й м а р х у м м е о я д): нюхают, целуют, вытирают глаза и веки.

Самые близкие родственники надевают неяркую одежду — платья, халаты, а сверху подпоясываются. Женщины—родственницы никаких платков на голову не повязывают, распускают волосы на груди¹². Они так же, как и мужчины, держат в руках посохи. Родственникам и близким не полагается сидеть, они все время ходят между собравшимся народом, громко плачут и вслух вспоминают только хорошее об умершем. Каким бы он не был плохим человеком, про покойника никогда плохо не говорят. Пришедшие на похороны женщины располагаются на женской половине, а мужчины — на мужской и, не касаясь руками, кладут головы на плечи друг другу, громко плачут и высказывают общепринятые соболезнования. Например: "Д и л а т о н г а н д а н а ш а — в а д, б а н д а г й — д й я" (Пусть не огорчается ваше сердце. Он ведь был рабом божьим, его бог забрал) или же "х ў д о б а ш у м о с а б р д и х а д, б а н д а г й — д й я" (пусть бог вам даст терпения, он ведь был рабом божьим) и т.д.

В Зеравшанской долине, где, как правило, возле дома с двориком находится сад или участок, в доме собираются женщины, в саду — мужчины, а, если двор большой, иногда отделяют занавеской половину двора (возле дома — для женщин, другая часть двора предназначается для мужчин).

Когда собирается народ, все члены семьи умершего находятся среди собравшихся, им не полагается отлучаться ни на минуту. Все вопросы, связанные с похоронами, решают родственники и соседи. С ними, редко с главой семьи, незаметно от глаз других согласовываются вопросы, например, о времени выноса тела, о выборе места на кладбище, о сумме денег для уплаты за работу или же для раздачи денег собравшимся (х а й р о т).

Похоронные носилки зеравшанцев по своему устройству ничем не отличаются от каратегинских¹³. Здесь, когда умирают немолодые люди, пользуются родовыми старыми носилками, которые хранятся во дворе мечети. Но для молодых людей обычно делают новые носилки из ивы, которая растет в хозяйстве покойника. Считается богоугодным делом, если носилки изготавливают из дерева, которое сажал при жизни сам покойный. Над носилками из ветвей дерева делают чамбар — род свода. Носилки изготавливают мужчины, они же и снаряжают их. На носилки внутри стелют новые шелковые или бархатные одеяла и подушки. Жерди носилок обматывают белой материей, затем сверху обертывают дорогой новой материей. — шелком, атласом, плюшем, даже парчой. Затем ручки носилок украшают цветами, а сверху покрывают вышивкой. Если умер мужчина, то поверх вышивки набрасывают его костюм или шелковый халат, а если женщина — ее новый шелковый или шерстяной цветастый платок и обязательно пальто (раньше клали паранджу или халат, "мунисак").

Затем, постелив на середине поляны новый палас или ковер, ставят на него носилки. В это время в другой части двора идет подготовка к обмыванию покойника, готовится саван (этим обычно занимается пожилой, грамотный мужчина), отводится место для обмывания, специально греют для этого воду и т.д.

Все молодые и средних лет мужчины собираются вокруг носилок и образуют большой круг. Когда народу много, выстраиваются в два-три ряда. Все мужчины, высоко подняв руки, кладут их на плечи друг другу. Затем круг, если состоит из одного ряда, движется в одном направлении, если больше, то первый круг мелким шагом движется тихо направо, а второй круг, наоборот, — налево, третий — движется, как первый круг. Во время движения все одновременно

делают поясной поклон и также одновременно выпрямляются, при этом все хором произносят слова: "Ҳ ӣ — ҳ а, о б л о ҳ ӣ, ҳ ӣ — ҳ а, о б л о ҳ ӣ". При произношении "облоҳӣ" выпрямляются и делают один шаг в сторону правой ногой, а левую, не отрывая от земли, к ней придвигают.

После того как сделан один круг, на середину выходят четверо молодых крепких, крупных мужчин и поднимают высоко над головой пустые украшенные носилки. После этого круг опять движется в том же направлении, а носильщики движутся вперед и назад ровным медленным шагом. После того как пройдут еще один круг, под носилки заходят четыре самых близких женщины (мать, бабушка, сестра или тетя умершего) с распущенными волосами, без головного платка, их платки повешены на шею. Они стоят под носилками по двое, друг против друга, и так же произносят слова: "Ҳ ӣ — ҳ а, о б л о ҳ ӣ". При "ҳ ӣ" поднимают руку высоко перед собой, а при произнесении "ҳа" сильно бьют себя в грудь. При слове "облоҳӣ" меняют место только те, которые стоят друг против друга. "Танцы" продолжаются иногда два-три часа, т.е. до начала обмывания покойника.

Когда заносят воду для обмывания, крик и шум прекращаются, все близкие стоят возле комнаты, где должны мыть покойника, а всех гостей приглашают на угощение, которые называют о ш и с а р и т а к т а — "пища у доски" (имеется в виду доска, на которой моют покойника). Есть идут к соседям, которые заранее готовят место у себя.

Пока моют и укладывают покойника на носилки, гости заканчивают угощение, и всем собравшимся, как мы уже упоминали, раздают деньги, что называется к а й р о т. После того как закончили мытье и укладывание на носилки, снова очень громко начинают кричать, плакать, рыдать не только женщины, но и мужчины. Это является знаком, по которому все мужчины выходят на полянку, куда выносят покойника, и читают ч а н о з а ("молитву"). Женщины опешат во двор, откуда должны вынести покойника.

После молитвы, мужчины сразу уносят покойника, женщины начинают еще больше плакать и продолжают танцы до тех пор, пока мужчины не вернутся с кладбища; женский танец характерен для многих мест Таджикистана и Узбекистана, здесь называется с а д и р (с а м а ь)¹⁴.

Во многих местах, в том числе в Айнинском районе, танцы женщины продолжают в течение трех дней после смерти, а также на двадцатый (бист) и в сороковой день (чил). Что касается мужчин, танцы продолжают до выноса покойника, реже в тот же день после возвращения с кладбища, до заката солнца¹⁵.

Рассказывают, что сравнительно недавно на похоронах одного юноши из кишлака Хушекат его друзья продолжали "танцы" без носилок в течение трех дней после похорон, т.е. до дня х у д о ӣ ("поминального жертвоприношения"). Но это не характерно и в народе считают нехорошим делом.

Х Х

Х

За последнее время по похоронным обрядам таджиков собран большой интересный материал. Исследователям удалось не только полнее и разностороннее зафиксировать все стороны похоронного обряда, но и выявить его локальные варианты. Похоронный обряд таджиков представляется теперь как сложная система, в которой объединены различные хронологические пласты, сплавлены воедино верования и обряды, восходящие к глубочайшей древности, средневековой и новому времени и отражающие различные этнокультурные традиции и религиозные представления, среди которых мусульманские отнюдь не являются единственными. Домусульманскими, по своей сущности, компонентами таджикского погребального обряда предстают рассмотренные в нашей статье траурные мужские танцы — д ж а х р .

П Р И М Е Ч А Н И Я

1. Снесарев Г.П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма, М., 1969, с.107-181.
2. Мец Адам. Мусульманский Ренессанс, М., 173, с.314-316.
3. Писарчик А.К. Смерть и похороны. - В кн.: Таджики Каратегина и Дарваза. 1970, вып.2, Душанбе, с.125-126; Кодиров Р. фольклори маросими тареволуиони тоҷикони водии Кашка-Даръё. Душанбе, 1963, с.84.
4. Наливкин В., Наливкина М. Очерк быта оседлого туземного населения ферганы. Казань, 1886, с.234; Лыкошин Н.С. "Хороший тон" на Востоке, Пг., 1915, с.107-108; Кармышева Б.Х. Узбеки-локайцы Южного Таджикистана. Сталинабад, 1954, с.102, 103. По сообщению музыковеда З. Таджиковой, групповые мужские танцы бытуют среди таджиков кишлаков Кизилэмчак, Гелон Кашкадарьинской области.
5. Писарчик А.К. Ук. соч., вып.2, с.125-126.
6. Там же, с.125-126.
7. Живопись древнего Пенджикента. М., 1954, рис.20-22.
8. В долине Зеравшана до революции мелкие административные деления называли "сада", возможно от "сад"-сто. В этом нашли отражение не только соседские, но, по-видимому, и древние родственные узы. До сих пор при больших похоронах, при торжествах обрезания и женитьбы, приглашаются жители этих селений, когда-то входивших в одну саду.
9. Расходы, кроме стоимости приготовления плова или супа, которые готовят в день похорон до выноса покойника, берут на себя те соседи, у которых остановились гости в день похорон; иногда гостей угощают в этих домах горячей пищей.
10. Когда перевозят невесту в дом мужа, также режут скот около порога дома, где она должна жить. Наступив подошвой правой ноги на кровь зарезанного животного, она входит в дом. Иногда в Зеравшане для особо важных гостей, которые первый раз приходят в дом, козьева тоже у него под ногами режут барана (дар пеш и пой хун баровардан).
11. По сообщению из Самарканда пожилой женщины, на покойницу надевали и все золотые украшения. Иногда между бровями клали золотую монету. По материалам, собранным летом 1979 г. в Пенджикенте, там также украшают умершую молодую женщину, как невесту.
12. По сообщению Тошби Садридиновой, 1907 г. рождения, в ее детстве, когда умер ее молодой брат, мать и бабушка, в знак траура отрезали свои косы (запись 1978 г., кишлак Варзиминон Айнинского района).
13. Писарчик А.К. Указ. соч., с.122.
14. Там же, с.125-126; Наливкин В., Наливкина М. Ук. соч., с. 234; Снесарев Г.П. Ук. соч., с.155.
15. По обычаям многих таджиков, в том числе и зеравшанских, после заката солнца до рассвета плакать, рыдать и совершать какие-нибудь похоронные обряды запрещено.

Н. С. БАБАЕВА

Д А В Р А - ОБРЯД ВЫКУПА ГРЕХОВ УМЕРШЕГО

(по материалам Кулябской области).

В Кулябской области, как и по всей Средней Азии¹, широко бытовал обряд выкупа грехов покойного - давра ("круг")². Этот обряд у кулябских таджиков устраивался перед обмытием. Основными действующими лицами, как и везде, были мулло-даврагар, лицо, принимающее на себя грехи умершего, и представители каума умершего³.

25 окт 1989

АКАДЕМИЯ НАУК ТАДЖИКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ им. А.ДОНИША

ЭТНОГРАФИЯ В ТАДЖИКИСТАНЕ

Ответственный редактор –
канд. истор. наук А.С.ДАВЫДОВ

ДУШАНБЕ
"ДОНИШ"
1989

30 Таджики Каратегина и Дарваза, вып. 1, с. 51-52.

31 Кармышева Б.Х. Этнические и территориальные группы северо-восточной части Кашка-Дарьинской области УзССР//Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР. XXXIII, 1960, с. 54; И.М.Оранский, характеризуя этнографическую тюркоязычную группу гиссарских "согутарош" определяет значение самоназвания данной группы "ремесленников", вытачивающих деревянные сосуды "согу", и со ссылкой на упомянутую выше работу Б.Х.Кармышевой отмечает: "Как и во многих других подобных случаях, термин, указывающий на род занятий, приобрел здесь значение этнонима". Оранский И.М. Таджикоязычные этнографические группы Гиссарской долины: Этнолингвистическое исследование. - М., 1983. - С. 177.

32 О сархад см.: Неменова Р.Л. Предварительный отчет о работе во время Гармской этнографической экспедиции 1952 г.// Доклады АН ТаджССР, 1953. - Вып. 9.

33 Писарчик А.К., Кармышева Б.Х. Опыт сплошного обследования Кулябской области, с. 76. К сожалению, нам не удалось выяснить, считают ли жители этих кишлаков, что они тоже относятся к группе косатароши.

34 Данные о расселении групп "деревообделочников" в пределах Узбекистана и Таджикистана (согутарош, қошуқ, тарош, тавоқтарош и косатарош), а также о распространении топонима "косатарош" приводит И. М. Оранский в своем исследовании о таджикоязычных этнографических группах. См.: Оранский И.М.Таджикоязычные этнографические группы..., с.178.

35 Миразори в значительном числе заселяют Дангару и окрестности, куда они переселились из Кангурта.

36 Это подтверждает и сообщение одного из наших кулисуфиёвских информаторов, которое сводилось к тому, что "авлоди мирҳазори сипоҳанд" - род миразори из служилого сословия.

37 Таджики Каратегина и Дарваза. -Душанбе, 1966.-Вып. 1. -С.70.

38 Там же, с. 64-65.

39 Кармышева Б.Х. Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана. - М., 1976;-С. 235.

М.А.ХАМИДЖАНОВА

ИЗМЕНЕНИЕ ТРАДИЦИОННОГО БЫТОВОГО УКЛАДА ЖИТЕЛЕЙ ВЫСОКОГОРИЙ ТАДЖИКИСТАНА ПОСЛЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ В ПРЕДГОРЬЯ И НА РАВНИНУ

Установление и упрочение Советской власти, организация коллективного хозяйства и другие экономические, политические и культурные мероприятия, проведенные народной властью, неизмеримо повысили экономическое благосостояние населения и горных районов Таджикистана, его культурный уровень. Однако климатические условия высокогорных районов Таджикистана были основной причиной, сдерживающей развитие сельского хозяйства. Здесь суровая зима, короткое лето, к тому же малая площадь угодий,

их пересеченность не позволяли применять современную сельскохозяйственную технику.

Переселение проходило организованно. Государство оказывало горцам-переселенцам всестороннюю помощь. Каждая семья получила средства, транспорт и на вновь переселенных местах — участок с добротным жилищем. Это стало возможно благодаря орошению новых массивов земель, проводившихся на территории Таджикской ССР в Вахшской долине, Голодной степи, долинах Явана и Даганакиика и других районах.

Условия жизни переселенцев в новых районах коренным образом изменились. Изучение этих изменений представляет значительный интерес для этнографической науки. Новые географические условия, новый тип хозяйства, другое этническое окружение — все это непосредственно влияет на культуру и быт переселенцев. Автор статьи в течение ряда лет вел этнографические исследования среди двух локальных групп таджиков: матчинцев — горцев верховьев р. Зеравшана, переселившихся в 1956–1959 гг., ставших теперь жителями орошенных земель Голодной степи, и ягнобцев, переселившихся в 1970 г. в Зафаробад. В данной статье вкратце отвечаются преобразования, происшедшие в жизни горцев-переселенцев на новых местах их обитания, в их хозяйстве и материальной культуре.

Матча и Ягноб — районы, расположенные в бассейне верховьев Зеравшана, ограниченного на востоке мощным горным узлом с Зеравшанским ледником, а на юге и севере расходящимися от этого узла Гиссарским и Туркестанским хребтами, которые поднимаются здесь на высоту до пяти с половиной тысяч метров. Эти высокогорные области с давних пор населены таджиками. Сейчас вся эта территория входит в состав Таджикской ССР. Перевалы, соединяющие районы Верхнего Зеравшана с Гиссарской и Ферганской долинами (Анзобский и Шахристанский), открыты лишь летом, а 6–8 месяцев в году недоступны. В верховьях Матчи и Ягноба зимой в связи с суровым климатом прекращалось сообщение даже между соседними селениями. Хотя еще до 40-х гг. были построены шоссейные дороги, связывающие Гиссарскую долину с Ферганской, и в 50-е гг. были открыты также дороги до самой верхней части Матчи, но они функционировали только в летнее время. В Ягнобе до самого переселения не было шоссейной дороги, ближайшим пунктом, через который проходила машинная дорога, был к. Анзоб.

До переселения в Матче насчитывалось 56 селений, а в Ягнобе — 32. Основное население здесь — таджики. Число жителей в Матче, по переписи 1926 г., было около 30 тыс. чел., язык таджикский. В Ягнобе было около 2 тыс. жителей, большинство ягнобцев говорило на одном из диалектов согдийского языка, принадлежащего к группе восточно-иранских.

Несмотря на то, что в целом Матча и Ягноб богаты водой, использовать ее в полной мере было невозможно, так как создание оросительной сети в горных условиях требовало огромного труда и постройки особых технических сооружений. Земли, пригодной для посевов, было очень мало. В Ягнобе и верховьях Матчи деревья почти не росли, редко можно было встретить иву. Но в летнее время в горах росло много трав, которые способствовали развитию скотоводства.

Основой хозяйства матчинцев и ягнобцев было земледелие, сочетавшееся с отгонным скотоводством. В сухое время года скот выпасал-

ся на высокогорных пастбищах. Осенью часть скота продавали в городах и взамен покупали необходимые товары. Скотоводство было представлено преимущественно овцами и козами. Крупный рогатый скот держали в небольшом количестве. Скот давал часть продуктов питания (молоко, масло, мясо, сыр), материал для одежды и обуви, для убранства жилищ и изготовления предметов домашней утвари.

Матчинцы и ягнобцы, как и все таджики-горцы, обрабатывали свои разбросанные в горах небольшие каменистые клочки земли деревянной сохой с железным наконечником, запряженной парой быков. Пользовались железными серпами, деревянными вилами, железными лопатами. Урожай, полученный с этих клочков земли, был ничтожен. Особенно это было ощутимо в Ягнобе. Из злаков в основном сеяли ячмень, т.к. пшеница не всегда вызревала, своего хлеба хватало только на несколько месяцев, обычно были ежегодные весенние голодовки. В нижних кишлаках Матчи, кроме зерновых культур, возделывали на маленьких участках огороды и сады.

Суровые природные условия, малоземелье приводили к тому, что до революции матчинцы и ягнобцы выделялись своей бедностью даже среди населения других высокогорных районов нынешнего Таджикистана. Обеспеченность их земель была ничтожна, а социальное неравенство еще усиливало тяжесть жизни трудового населения. Многие матчинцы и ягнобцы совсем не имели земли и были вынуждены покупать зерно в более богатых земледельческих районах. Большинство ягнобцев привозили хлеб из Гиссарской долины, редко из Ура-Тюбе, а матчинцы в основном — из Ура-Тюбе, верхние кишлаки — из Каратегина. Матча и Ягноб в экономическом отношении были связаны также с Самаркандом и Гиссаром. Но сообщение с городами и базарами очень затрудняли плохие дороги — опасные горные тропы, на которых нередко гибли люди.

Ни земледелие, ни скотоводство, ни домашние промыслы населения Матчи и Ягноба не могли обеспечить ему даже минимальный жизненный уровень. Поэтому почти все трудоспособные мужчины ежегодно являлись на отхожие промыслы, работая в городах чернорабочими, многие были вынуждены нищенствовать. Еще 100 лет тому назад Ф.Коротков писал, что "гадаев" (нищих. — М.Х.) и в Ягнобе много, но их как-то незаметно среди массы оборванного люда."¹ Отходники, у которых не было посевной земли, не возвращались домой в течение нескольких лет, а у кого были хоть маленькие участки, обычно уходили два раза в год: весной, после окончания сева — до уборки урожая и осенью, после снятия урожая — до весны. "Процент ежегодно уходящих на заработки колеблется по отдельным селениям от 25 до 75% взрослого мужского населения."²

Жители этих высокогорных районов были до того бедны, что русские власти в конце XIX в. вынуждены были на десять лет освободить их от всех податей. Однако несмотря на это разорение и обнищание привело к тому, что горцы еще до революции стали переселяться в другие местности. Например, часть жителей селений Матчи — Камодон и Хадишар, по рассказам старожилов, переселились еще в середине XIX в. в Ферганскую долину, где в Ходженте образовали свой квартал — матчинцев. Родственные связи между переселенцами были все время. Часть населения к. Рог — верховья Матчи — переселилась под Ташкент, ближе к промышленным местам. Часть населения кишлаков Матчи также поселилась вокруг г. Ура-Тюбе. Как сообщается в донесении начальника Уратюбинского участка,

"еще в августе 1868 г. 100 семейств переселились из Матчи и разместились в к.Аучи (Ура-Тюбинский район. — М.Х.).³

Народные предания относят наиболее раннее переселение ягнобцев на северные склоны Туркестанского хребта примерно к началу ХУП в., где они образовали кишлаки Кажровут, Сурхобча, Пушти Охтахона, Навободча и др. Интересно отметить, что в памяти многих жителей этих селений сохранились предания о том, что их предки являются выходцами из какого-то кишлака Ягноба. До недавнего времени часто между ягнобцами и жителями этих кишлаков существовали брачные отношения. Ягнобцы, переселившиеся на северные склоны Туркестанского хребта, приняли не только язык местных таджиков, но и многие семейные обычаи и обряды.

По данным М.С.Андреева, Р.Л.Неменовой⁴ и нашим, часть ягнобцев в начале ХУШ в. образовали свои кишлаки в бассейне Варзоба — Куктепа, Гаров, Зуманд, Ови Сафед, Рог и т.д. Здесь ягнобцы сохранили свой язык, а также прекрасно знают и таджикский. Жители кишлака Дара, или Дарай Ягноби, в ущелье Харангона близ Душанбе, по данным информаторов, переселились в середине XIX в. Селение состоит из более 100 семейств, они забыли свой ягнобский язык. Во время нашего обследования в 1975 г. в кишлаке свой язык немного помнили только очень пожилые люди. Кроме этих кишлаков, в городе Душанбе и его окрестностях целыми семьями живут ягнобцы, которые переселились в годы Великой Отечественной войны, — в районе Кирпичного завода, птицефабрики, в к.Чорбог, недалеко от к.Ханака, и т.д. Переселенцы некоторых селений, поселявшиеся в старых кишлаках, постепенно сливались с окружающим населением, так, например, живут ягнобцы вблизи Орджоникидзеабадского и Яванского района.

До революции Ягноб и Матча были и в культурном отношении одними из самых отсталых районов горного Таджикистана. Население там было почти поголовно неграмотно. Никакого медицинского обслуживания не существовало, за лечением обращались лишь к знахарям и муллам. Поэтому различные эпидемические заболевания, дававшие высокую смертность, здесь были обычным явлением. Особенно высокой смертность была среди детей.

Жилище у матчинцев и ягнобцев было весьма примитивным. Дома строили из неотесанных камней, скрепленных глиной с саманом, низкие стены штукатурили редко и только изнутри. Крыши были плоские, часто двором служила крыша соседа, так как во многих селениях дома в условиях горного рельефа строили амфитеатром. Двери были маленькие и низкие, полы земляные. Очаги в виде углубления в полу устраивали в центре жилища — помещения "чахлак" или в специальном помещении "мур", представлявшем собою возвышение — лежанку 70–80 см высотой, в которое вмуровывался очаг (инкир). Так как в помещении с очагом было теплее, чем в остальной части жилища, в зимнее время в нем пребывала вся семья: там ели, спали и занимались всеми домашними делами. Лишь в конце прошлого века в Матче и после революции в некоторых домах в Ягнобе (в комнатах для приема гостей — мехмонхона) появились очаги с вытяжными колпаками и дымоходами, которые назывались — қашқарча/қафаса. Окон не было, источником света служило отверстие над дверью или в крыше. В таких домах не хватало света, тепла и воздуха. Они выполняли одновременно функции жилого помещения, кухни, амбара, а в суровый зимний период в них держали и молодняк скота. Скучными были утварь и убранство жилищ: один палас или войлок, одно-два одеяла, посуда — чугунный котелок, такой же кувшин, керамическая и деревянная посуда разной формы, кожаный бурдюк для воды. Матчинцы и ягнобцы чайную посуду стали приобретать толь-

ко после революции, раньше редко пили чай, и то лишь в зажиточных семьях. Массовое чаепитие, особенно среди женщин, стало распространяться в Матче и Ягнобе в основном в годы Советской власти.

Одежду обычно покупали в городах, причем самую дешевую, нередко — поношенную, или же шили ее из домотканых хлопчатобумажных материй (карбос, алоча), из полушерстяной (шимили) и шерстяной (разга) ткани, которые каждая семья готовила сама для себя.

Одежда состояла как у мужчин, так и у женщин из рубахи туникообразного покроя и штанов из карбоса; зимой добавлялся шерстяной грубый халат — чакман, овечий тулуп (пустин) или ватный стеганный халат, но и эту верхнюю одежду имели далеко не все. Часто на всех мужчин семьи был один халат, а у женщин, несмотря на суровую зиму, иногда и совсем не было верхней одежды. Обувью служили шерстяные чулки и сапожки из сыромятной кожи, которые шили дома, и в основном для мужчин и женщин, работавших в поле. Детям, подросткам и женщинам специально обувь не шили, в основном они носили старую, ношеную.

Основной пищей был хлеб в виде лепешек и различные молочно-мучные кушанья, приправленные дикорастущими травами. Редко употреблялась чисто пшеничная мука, обычно ее смешивали с мукой из различных бобовых или с ячменной. Из овощей сеяли только морковь и изредка в нижних селениях Матчи — лук. (Картофель появился лишь в 30-х гг. в Матче и в середине 40-х гг. в Ягнобе). Фрукты вызревали только в нижних селениях Матчи, в основном это были абрикосы, их продавали в городах для покупки на вырученные деньги самых необходимых для семьи товаров.

В начале 30-х в Матчи и в конце 30-х гг. в Ягнобе появились первые колхозы. Но низкий уровень производства сильно препятствовал повышению доходности колхозного хозяйства, и сельхозартелю не могли обеспечить колхозников всем необходимым. Поэтому сельхозартелю Матчи и Ягноба постоянно получали от государства дотации.

В 1956 г. колхозники-матчинцы приняли решение о переселении на равнину, на предоставленные им по постановлению Президиума Верховного Совета Таджикской ССР орошаемые земли Голодной степи, северо-восточная часть которой входит в пределы Таджикистана. Государство оказало переселенцам огромную помощь: им был дан транспорт для переезда, каждому хозяйству выделен отдельный дом, а те, кто хотели сами построить дом, получили для этого строительные материалы. Новое строительство обеспечивалось техническими проектами. Кроме того, каждая семья получала денежное пособие — подъемные для обзаведения новым хозяйством и могла дополнительно получить государственную ссуду. В результате в период с 1956 по 1959 г. постепенно из горной Матчи переселилось на равнину почти все ее население. При этом все прежние удобные земельные участки в старой Матче остались в распоряжении переселившихся колхозов и совхозов и использовались ими под выпасы, сады, под посевы картофеля.

Начиная с середины 70-х гг. в старой Матче начали организовывать животноводческие совхозы, 20–25% населения вновь переселились в горы и стали работать во вновь организованных совхозах. В 1970 г. на тех же условиях началось переселение ягнобцев, причем для этого из-за отсутствия шоссейных дорог им были предоставлены правительством вертолеты.

В результате переселения матчинцев и ягнобцев на целинных землях Голодной степи появились новые районы — Матчинский и Зафарабадский. Все старые земли Ягноба были переданы животноводческим совхозам Айнинско-

го района. Переселение произвело подлинную революцию в жизни горцев, как в экономическом отношении, так и в области быта.

В условиях Средней Азии, при ее сухом, жарком климате, орошение земель имеет огромное значение. На новых орошаемых землях сооружены десятки мощных насосных станций, берущих воду из Сырдарьи. Благодаря этому прежняя Голодная степь превратилась в цветущий оазис. Половина орошенных земель занята под хлопчатник, культуру которого горцы быстро освоили; другая половина находится под огородами, садами, виноградниками и бахчевыми культурами.

Механизация сельского хозяйства (тракторы, сеялки, хлопкоуборочные и куракоочистительные машины, автомашины, самолеты и пр.), внедрение передовой агротехники и рационализации труда привели к быстрому росту производства. Голодная степь полностью электрифицирована, радиофицирована и газифицирована. Орошенные земли Голодной степи осваиваются по генеральному плану. Создаются новые поселки городского типа. В них имеются школы и техникумы, больницы, поликлиники, детские ясли и сады, клубы и дома культуры, дома отдыха, кинотеатры, бани, магазины, базары, чайханы, столовые, кафе, рестораны, ателье, парикмахерские, гостиницы и т.д. Участвуя в работах по постройке жилых домов и общественных зданий, многие горцы стали прекрасными строителями.

В Матчинском районе создано 8 колхозов и 3 совхоза, а в Зафарabadском — 6 совхозов. Колхозы, в которых живут матчинцы, распределены на три сельсовета. Переселенцы здесь живут компактно; вместе с ними живут и работают в некоторых колхозах узбеки, казахи и киргизы.

В Зафарабаде ягнобцы живут во всех совхозах попеременно с населением, переселившимся сюда из Ура-Тюбинского, Ходжентского и других северных районов республики; однако очень часто жилые дома на одной улице занимают представители одного или двух ягнобских кишлаков.

Дома переселенцев очень отличаются от старого жилища горцев. Они располагаются вдоль прямых, широких, асфальтированных улиц. Дома строятся по типовым проектам, из жженого кирпича или бетонных панелей, на высоком фундаменте. Крыши обычно покрываются шифером. По дворовому фасаду домов идет терраса. При домах всегда имеются сады. В каждом доме по нескольку комнат (обычно 4 или 5), с большими окнами, частью выходящими на улицу. В комнатах деревянные крашенные полы, которые застилаются обычно ворсовыми коврами фабричного производства или домотканными паласами или войлоком. Стены белят и украшают коврами, вышивками или другими декоративными изделиями, а также семейными фотографиями. Во многих домах делают ниши и внутристенные шкафы, в чем сказалось влияние традиционного народного зодчества новых соседей — таджиков Ленинабада и Ура-Тюбе. Кухни, в которых пекут хлеб, у переселенцев устраиваются отдельно, недалеко от жилого дома; в летних кухнях для приготовления еды и кипячения чая также часто (особенно у матчинцев) устраивают и очаги для выпечки хлеба традиционного типа. В кухнях, которые строят сами жители, нередко сохраняется традиционная планировка и устройство старых домов, характерных для горных кишлаков. Ягнобцы по-прежнему пекут лепешки в традиционных очагах (инкир), а матчинцы научились печь лепешки не в земляных очагах, как прежде, а в хлебных печах местного типа — танур, которых в горах они не знали.

В квартирах у прежних горцев имеются все удобства современного благоустройства: кухня с газовой плитой, санузел, ванная. Дома в зимнее время обогреваются водяным отоплением, а в некоторых построены голландские печи, обогреваемые газовыми горелками. Распространены и такие бытовые приборы, как электрические чайники, плитки, утюги, холодильники, вентиляторы, стиральные машины.

Современная городская мебель все шире входит в жизнь горцев-переселенцев. Во всех домах имеются радиоприемники и телевизоры. Молодежь увлекается магнитофонами. О возросшем благосостоянии горцев свидетельствует наличие в большинстве семей велосипедов, мотоциклов и легковых автомашин.

Повышение материального благосостояния сказывается и в одежде, поражающей тех, кто знал прежнюю одежду горцев. Каждый член семьи имеет теперь по несколько костюмов, платьев, пальто. Шелковые платья являются не только праздничными, их носят и в будние дни. С каждым годом все больше входят в моду городские фасоны и покрои платьев, все чаще одежду шьют в ателье и покупают в магазинах. Но пожилые горцы еще носят одежду традиционного образца, старого покроя. Обувь же и они носят только фабричного производства.

Значительно изменилась и пища. Мясо и жиры стали доступны круглый год, их всегда можно купить в магазинах и на базаре. Обычай запасаться на зиму продуктами питания — мукой, рисом, маслом, сахаром с каждым годом соблюдается реже и исчезает, что естественно — эта традиция была порождена прежними условиями жизни, когда зима грозила длительным прекращением связей с торговыми центрами. Еду готовят теперь из самых разнообразных продуктов, в частности, употребляют различные незнакомые им раньше овощи — помидоры, капусту, сладкий перец, картофель, выращивать которые горцы научились только после переселения, на новом месте.

Дыни, арбузы тоже вошли в пищевой рацион переселенцев. Фрукты и бахчевые они выращивают сами на своих участках. Научились варить различные фруктовые варенья. В изобилии употребляются и кондитерские изделия. Появились новые блюда, которые заимствованы у окружающего населения разных национальностей, а также из европейской кухни — голубцы, фаршированный перец и т.д.

Все больше появляется у переселенцев своих специалистов. Почти все школьные преподаватели в Матчинском районе — матчинцы, а в Зафарабате с каждым годом все больше и больше готовится учителей начальных школ из среды ягнобцев. Среди матчинцев за двадцать лет со времени их переселения появились врачи, фельдшеры, агрономы, инженеры, техники. Есть среди них и ученые — кандидаты и доктора наук. У недавно переселившихся ягнобцев теперь тоже много молодежи учится в техникумах и вузах республики, и постепенно растут ряды интеллигенции — врачей, педагогов, агрономов и др.

Таким образом, переселение матчинцев и ягнобцев на орошенные земли оправдало себя. За короткий срок произошел громадный сдвиг в росте материальной обеспеченности, в общем уровне жизни и культуре этих небольших групп горных таджиков.

П Р И М Е Ч А Н И Я

- 1 Коротков Ф. Туркестанские ведомости, № 30, 1877.
- 2 Дынин В. Очерк быта горцев верховьев Зеравшана // Изв. Туркестанского отдела Русского географического Общества, т. X, вып. 1, — Ташкент, 1914, — С. 71.
- 3 Селения на северных склонах Туркестанского хребта. — ЦГИА, УзССР, ф. 1, оп. 16, д. 123, л. 6.
- 4 См.: Андреев М.С. Краткий отчет о работах этнографической экспедиции в Таджикистане в 1925 г. — В кн.: По Таджикистану. — Ташкент, 1925. — Вып. 1. — С. 21; Неменова Р.Л. Сложение таджикского населения Варзоба // Советская этнография, 1969, — № 5. — С. 40-41.

И. МУХИДДИНОВ

НАРОДНЫЙ ОПЫТ В ПРЕОДОЛЕНИИ БЕЗДОРОЖЬЯ И ВОДНЫХ ПРЕГРАД НА ЗАПАДНОМ ПАМИРЕ (XIX — начало XX века)

Специфика средств передвижения и переноса груза на Западном Памире в прошлом характеризовалась отсутствием колесного транспорта и преобладанием над вьючно-верховыми средствами пешего способа передвижения и наличием связанных с ним различных способов и приспособлений для переноски грузов людьми.¹

Пешее и вьючно-верховое передвижение осуществлялось преимущественно по горным тропам, особенно внутри высокогорных долин. Местное население для поддержания хозяйственно-культурных связей, учитывая высокогорный рельеф, вынуждено было на многих участках сухопутных путей сообщения (не только по тропам, связывающим кишлаки одной долины, но и на тропах, по которым осуществлялось движение между разными долинами) сооружать искусственные тропы, так называемые "овринг", яркая характеристика которых дана в трудах первых путешественников и исследователей этого района. Особенно удачно устройство оврингов описал И.И. Зарубин: "Так называемые "овринги" даже нельзя назвать дорогой, овринги — это соединение в одном месте всех трудностей и опасностей пути, встречаемых обыкновенно порознь. Они отличаются друг от друга только различными сочетаниями и степенью этих трудностей. Приближающемуся к оврингу кажется, что дальше идти нет никакой возможности. Но после внимательного осмотра он находит впереди какой-нибудь выступ, на который можно перешагнуть, хотя с большим трудом; дальше виден какой-нибудь колышек, заменяющий ступеньку, колеблющаяся лестница из прутьев, балков, громадный утес, на который можно взобраться, прижимаясь к нему всем телом и едва-едва схватившись руками за верхний выступ..."² Ущелья Бартанга и Язгулема считались на Западном Памире наиболее узкими и труднопроходимыми. Поэтому пешеходные тропы изобиловали оврингами. В долине Бартанга была выбита на одной из скал, по которой шел овринг, надпись: "Путник, будь осторожен, ты здесь, как слеза на реснице".³